ПРОТОІЕРЕЙ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

Фелицинъ.

12 іюня с. г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ замѣчательныхъ лицъ въ средѣ мѣстнаго бѣлаго духовенства, нѣсколько лѣтъ предъ симъ, именно 16 декабря 1879 г., на 97 году отъ роду умершаго въ г. Тобольскѣ. Правда, покойный не такое лицо, какъ пр—ный Филаретъ, митрополитъ московскій, чтобы отмѣчать его столѣтіе, но и нестоль незначительное, чтобы не остановить на немъ вниманіе лицъ, которыя еще такъ живо помнятъ покойнаго старца. Въ свои 67 лѣтъ служенія при каѳедр. соборѣ, въ центрѣ епархіальнаго управленія, при живомъ участіи, которое всегда принималъ въ немъ о. Петръ Андреевичъ, близко стоявшій ко многимъ изъ епархіальныхъ пр—ныхъ, онъ, безъ

сомнѣнія, не мало далъ поводовъ быть приснопамятнымъ для своихъ современниковъ, пережившихъ его. Что же касается извѣстности о. Петра Андреевича въ мѣстномъ сибирскомъ краѣ, то должно сказать, что этотъ патріархъ бѣлаго сибирскаго духовенства, достопочтенный старецъ извѣстенъ достаточно всему сибирскому духовенству, въ особенности же пожилому духовенству епархій Енисейской, Томской, которыя прежде—первая до 1824, а вторая до 1834 г. входили въ составъ епархіи Тобольской,—и тѣмъ болѣе извѣстенъ въ Тобольской епархіи—и не одному духовенству, но весьма многимъ изъ свѣтскихъ лицъ. Хотя біографическіе очерки его уже помѣщались мною кое-гдѣ (въ Иркутск. епарх. вѣд. и Странникѣ), но почти неизвѣстны тобольскимъ почитателямъ памяти покойнаго о. протоіерея. Къ тому же настоящая статья противъ прежнихъ очерковъ содержитъ значительныя измѣненія и дополненія, которыя въ общемъ,—смѣемъ надѣяться, сдѣлаютъ небезъинтереснымъ настоящій нашъ трудъ читателямъ мѣстнаго епархіальнаго органа (*).

Петръ Андреевичъ былъ уроженецъ московской епархіи, сынъ бѣднаго сельскаго пономаря, по имени Андрея; родился онъ 12 іюня 1783 года когда церковь празднуетъ память преп. Петра аоонскаго, по имени котораго новорожденный и былъ названъ. Чрезъ два года послѣ появленія Петра Андреевича на свѣтъ, отецъ его померъ, и мать по крайней бѣдности раздала своихъ дѣтей (кромѣ мальчика Петра, у нея были еще двѣ дочери) въ люди,—сына между прочимъ своему отцу, а его дѣду—престарѣлому причетнику, который, умирая, въ свою очередь передалъ его своему сыну, или дядѣ Петра Андреевича, сельскому священнику. Когда мальчика нужно было учить грамотѣ, дядя отправилъ его къ свату своему, сельскому дьячку Алексѣю Смирнову. Дьячекъ Смирновъ первоначально не принялъ было къ себѣ племянника, ссылаясь на свою бѣдность и свое большое семейство, а также—опасаясь ворчанья со стороны своей жены, и велѣлъ привезшему мальчика Петра крестьянину снова посадить его въ телѣгу и вести обратно къ тому дядѣ, священнику. Толь-

---

(*) Источниками біографіи Петра Андреевича были и мои собственныя воспоминанія о немъ, и нѣкоторые архивные документы, преимущественно же его автобіографія, бывшая у меня въ рукахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. *Авт.*

ко крестьянинъ, такъ какъ ему не велѣно было привозить мальчика назадъ, не взялъ его и поскорѣе уѣхалъ домой. Малютка Петръ, оставшись на улицѣ одинъ, горько заплакалъ и, обратившись лицомъ къ близь стоявшей церкви, началъ молиться, между прочимъ такъ: „Батюшка Богъ, вели дядѣ моему, чтобы онъ принялъ меня сироту къ себѣ въ домъ“. Дядя, услыхавши плачъ, вышелъ на улицу, долго смотрѣлъ на молящагося сироту, а этотъ, увидѣвши дядю, палъ ему въ ноги и со слезами просилъ, чтобы онъ принялъ его къ себѣ. Дядя сжалился, вызвалъ на улицу жену и при ней велѣлъ мальчику повторить молитву, которую тотъ произносилъ, обратясь къ церкви; мальчикъ повторилъ, сжалилась и тетка, и мальчикъ былъ принятъ въ домъ дяди. У дяди мальчикъ почти самоучкой скоро выучился читать, ходилъ съ дядей на каждую службу въ церковь и, становясь на клиросѣ, бойко, громко и ясно читалъ: благословлю Господа... помилуй мя Боже... часы и шестопсаліе, даже и псалтирь, за что священникъ хвалилъ его и награждалъ просфорами, а прихожане, въ томъ числѣ и мѣстный помѣщикъ кн. Оболенскій, удивлялись такому хорошему чтенію малютки. Разъ вотъ что случилось съ мальчикомъ Петромъ. Бывши въ церкви на троицынъ день у всенощной, онъ уснулъ на клиросѣ въ уголкѣ. Послѣ всенощной, при выходѣ изъ церкви, никто не замѣтилъ его спящаго. Вечеромъ дядя и тетка, замѣтивъ отсутствіе мальчика, подумали, что онъ отправился (какъ иногда и случалось) спать на сѣновалъ священника, вмѣстѣ съ его сыновьями. Каково же было удивленіе дяди, когда онъ на утро, пришедши въ церковь, увидѣлъ племянника на клиросѣ крѣпко спавшимъ на корточкахъ. Продержавъ племянника года съ два, или нѣсколько болѣе, и научивши его кой-какъ писать, дядя взялся за умъ, рѣшился (въ 1792 или 1793 г.) отдать его въ славяно-греко-латинскую академію. Съ этою цѣлію посадилъ его на возъ дровъ, и продавши дрова на рынкѣ г. Москвы, пріѣхалъ на Троицкое подворье, чтобы просить митрополита Платона о принятіи племянника въ академическую бурсу на казенное содержаніе. Узнавши, что митрополитъ скоро пойдетъ къ ранней обѣднѣ, причетникъ поспѣшилъ въ церковь и упросилъ тамъ, кого слѣдовало, предоставить читать часы его племяннику. Мальчикъ привыкъ читать часы въ сельской церкви,—ободренный обѣщаніемъ дяди, что онъ ему купитъ большой калачъ, взобрался на поставленный предъ аналоемъ стулъ и часы прочиталъ весьма хорошо. Митрополитъ, слыша чтеца съ дѣтскимъ голо-

сомъ, спросилъ: чей это ребенокъ читаетъ? и узнавши, что какой-то причетникъ привезъ сироту для опредѣленія въ академію на казенный коштъ, приказалъ представить ихъ обоихъ послѣ обѣдни къ нему. Выслушавши разсказъ причетника о горькомъ положеніи сироты и слегка испытавъ голосъ сего и даже ощупавши пятью пальцами его голову, добрый архипастырь сказалъ, что изъ этого мальчика будетъ толкъ и приказалъ принять его съ фамиліей дяди: Смирнова (*) въ академію, помѣстить въ число пѣвчихъ своего хора и немедленно прилично одѣть и обуть. Все это было исполнено: мальчикъ, вмѣсто овчинной некрытой шубы, былъ одѣтъ въ пѣвческій сюртукъ, и вмѣсто лаптей, обутъ въ сапоги, началъ по немногу учиться пѣть съ пѣвчими (онъ имѣлъ прекрасный альтъ, который послѣ перешелъ въ самый нѣжный теноръ) и сталъ ходить учиться въ академію, гдѣ за успѣхи чрезъ полгода переведенъ былъ изъ 2-го въ 3-й классъ. Но тутъ случилось нѣкоторое происшествіе съ мальчикомъ Смирновымъ. Онъ ходилъ въ академію и возвращался на троицкое митрополичье подворье всегда съ другими сверстниками по ученію; разъ какъ-то отсталъ отъ нихъ и, незная Москвы, заблудился. Нѣсколько разъ прохожіе указывали ему дорогу, но онъ опять сбивался и такимъ образомъ бродилъ цѣлый день. Уже подъ вечеръ, измученный до крайности, мальчикъ сѣлъ подлѣ угла какого то большаго дома и началъ громко плакать; какой то полицейскій чиновникъ понялъ, откуда малый и доставилъ его на подворье. Регентъ сталъ допрашивать невольнаго бродягу и не повѣрилъ оправданію его и, подумавши, что мальчикъ шатался изъ за лѣности, чтобы только нейти въ классы, высѣкъ его; но добрѣйшій митрополитъ, узнавши о происшествіи и распросивши мальчика, повѣрилъ его разсказамъ, и чтобы избавить его впредь отъ блужданія по Москвѣ и отъ незаслуженныхъ розогъ, передалъ пѣвчаго Смирнова своему викарію преосв. Серапіону (который впослѣдствіи былъ казанскимъ архіепископомъ и умеръ въ санѣ кіевскаго митрополита), съ тѣмъ чтобы онъ жилъ въ его хорѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Отъ этого монастыря до академіи было всего саженъ 200, и ходя отсюда въ классы, заблудиться было нельзя. Смирновъ жилъ у пр—наго Серапіона семь лѣтъ, исполняя разныя послушанія—пѣвчаго, посошника и чинодержателя, и по ученью дошелъ до класса реторики включительно.

(*) Петра Андреевича изъ Смирнова въ Фелицина уже на 17-мъ году переименовалъ, какъ увидимъ ниже, калужскій преосвященный Ѳеофилактъ.

Съ переходомъ изъ отроческаго возраста въ юношескій, Смирновъ сталъ въ лучшія обстоятельства жизни, хотя тоже не безъ нѣкоторыхъ горестныхъ приключеній... Въ концѣ 1799 года чрезъ Москву проѣзжалъ, на вновь открытую епархію калужскую, первый ея архіерей, въ свое время весьма извѣстный пр—ный Θеофилактъ (Русановъ). Владыка замѣтилъ Петра Смирнова при посѣщеніи своемъ академіи, обративъ вниманіе на хорошіе его отвѣты. По рекомендаціи ректора академіи, архимандрита Серафима (впослѣдствіи с.-петербургскаго митрополита), пригласилъ его, какъ особенно искуснаго пѣвчаго (*) и очень знакомаго со всѣми порядкамиархіерейской службы, ѣхать съ собою въ Калугу, для того чтобы тамъ образовать хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ и составить архіерейскую свиту. Смирновъ мало того, что самъ не отрекся отъ этой поѣздки, но еще убѣдилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Калугу другихъ осьмерыхъ пѣвчихъ изъ хоровъ митрополичьяго и викарнаго (**). Въ Калугу Смирновъ отправился съ товарищами ранѣе владыки Θеофилакта, и успѣлъ къ пріѣзду его составить пѣвческій приличный хоръ, сформировать свиту архіерейскую, т. е. приготовить къ архіерейскому служенію протодіакона, нѣсколько діаконовъ, иподіаконовъ, исполатчиковъ и чинодержателя и пр. Для этого, живя въ калужскомъ монастырѣ, онъ назвалъ одного престарѣлаго и простоватаго іеромонаха архіереемъ и въ лицѣ его училъ діаконовъ и иподіаконовъ, какъ слѣдуетъ облачать архіерея, что нужно во время облаченія протодіакону говорить, кому, когда и какъ на архіерея въ алтарѣ кадить, подавать архіерею дикирій и трикирій и проч.—Преосвященный Θеофилактъ прибылъ въ Калугу вскорѣ послѣ новаго (1800) года, былъ встрѣченъ дворянствомъ, купечествомъ и всѣми сословіями чрезвычайно внимательно; въ первый разъ отправлялъ богослуженіе въ Крещеніе, когда послѣ литургіи ходилъ на воду и на возвратномъ оттуда пути всѣхъ кропилъ св. водой самъ. Народу, который въ Калугѣ не видалъ ничего подобнаго, между прочимъ и архіерейскаго служенія, было

(*) Фелицинъ неоднократно сказывалъ, что онъ и нѣкоторые другіе изъ его товарищей по московскому хору научились и пѣть особенно искусно и въ обращеніи быть нисколько угловатыми, нерѣдко посѣщая, съ дозволенія и митрополита и его викарія, театры, слушая тамъ театральное пѣніе и замѣчая обращеніе какъ самихъ артистовъ между собой, такъ и зрителей.

(**) Пр—ный Θеофилактъ не потрудился даже и спросить объ этомъ Платона. Вообще онъ обращался съ митрополитомъ какъ-то непочтительно, на что старецъ и жаловался тогда.

чрезвычайно много. Преосвященный Θеофилактъ весьма довольный всѣмъ и между прочимъ тѣмъ, что служеніе его шло очень стройно, безъ всякихъ замѣшательствъ и ошибокъ со стороны сослужащихъ, не смотря на то, что они участвовали въ архіерейскомъ служеніи только въ первый разъ и зная, что причиною всего этого былъ Смирновъ,—по возвращеніи съ парадnаго обѣда, даннаго въ честь его дворянствомъ и гражданами, призвалъ его къ себѣ, много хвалилъ, благодарилъ его и наконецъ спросилъ: какой бы награды онъ хотѣлъ отъ него? Смирновъ, подумавъ немного, просилъ для старшей сестры своей зачисленія діаконскаго мѣста; владыка обѣщалъ, велѣлъ сестру съ матерью вызвать изъ Москвы, подъискать жениха, и когда все это, хотя и нескоро, было исполнено, зятя Смирнова посвятилъ въ городъ Козелецъ во діакона; за самимъ же Смирновымъ зачислилъ одно хорошее священническое мѣсто и при этомъ переименовалъ Смирнова въ Фелицина, объяснивши, что его новая фамилія значитъ: сынъ счастія. Фелицинъ всему этому былъ радъ, и въ особенности зачисленному священническому мѣсту и, въ чаяніи доходовъ съ него и доходовъ отъ архіерейскаго хора, набралъ въ лавкѣ одного купца въ долгъ на 200 рублей разныхъ матерій, ситцевъ, шалей и платковъ и надѣлилъ ими свою бѣдную новобрачную чету.

Управляя архіерейскимъ хоромъ, Фелицинъ въ тоже время учился во вновь открытой калужской семинаріи, доканчивая курсъ реторики, прослушалъ курсъ философіи и уже поступилъ въ богословію, и такимъ образомъ онъ прожилъ въ Калугѣ близъ 3-хъ лѣтъ,—съ половины декабря 1799 и до половины ноября 1802 г. Въ половинѣ названнаго мѣсяца и года калужскій преосвященный получилъ письмо отъ недавно прибывшаго въ Вологду сослуживца своего по петербургской александро-невской высшей семинаріи, затѣмъ переименованной въ с.-петербургскую духовную академію, епископа Антонія Знаменскаго, который жаловался на крайне плохой въ Вологдѣ архіерейскій хоръ и что въ Вологдѣ некѣмъ его поправить, усерднѣйше прося при этомъ преосв. Θеофилакта помочь его горю, прислать къ нему, на мѣсяцъ или на два, кого нибудь изъ пѣвчихъ, взятыхъ имъ, пр—нымъ Θеофилактомъ, изъ московскаго хора. Пр—ный калужскій уговорилъ отправиться въ Вологду, именно только на мѣсяцъ или на два, Фелицина; этотъ, хотя и не безъ колебаній, согласился и отправился. Поѣздка до Вологды, и особенно пріѣздъ въ Вологду соединены были съ весьма немаловажными непріятностями для нашего пу-

шественника. Напримѣръ, извощикъ, взявшійся довести его на своихъ лошадяхъ до самой Вологды и получившій отъ преосв. Ѳеофилакта деньги (25 руб.) за весь путь, довезъ Фелицина только до Троицкой Сергіевой лавры и тамъ бросилъ его, притомъ не возвративши ему изъ полученныхъ денегъ на продолженіе пути ни одной копѣйки. Въ Ярославлѣ, при переправѣ чрезъ Волгу по очень еще тонкому льду, Фелицинъ чуть не утонулъ, а прибывши въ Вологду и явившись къ архіерею, едва не умеръ съ голоду, по крайней мѣрѣ близь двоихъ сутокъ оставался безъ пищи и питья. Безобразіе это произошло такъ: преосв. Антоній, прочитавши письмо пр. Ѳеофилакта, привезенное ему Фелицинымъ и распросивши его о дорогѣ, съ уплатою за его проѣздъ отъ лавры до Вологды, велѣлъ ему идти къ эконому архіерейскаго дома, престарѣлому архимандриту Августу и жить у него. Но экономъ, выслушавъ архіерейское приказаніе, переданное ему Фелицинымъ, сказалъ „много васъ семинаристовъ; мнѣ всѣхъ васъ не накормить“, и самъ затѣмъ съ келейникомъ своимъ уѣхалъ служить литургію и панихиду по богатомъ покойникѣ, а послѣ нихъ поминать покойника, оставивши нежданнаго гостя одного въ прихожей, да и возвратившись вечеромъ домой, прошелъ чрезъ прихожую въ свои кельи почти невзглянувши на него. Когда пріѣзжій гость признался экономскому келейнику—послушнику Іакову, что онъ со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ, и когда онъ просилъ слугу накормить его, тотъ принесъ ему съ кухни только небольшой ломоть чернаго хлѣба и кружку квасу (*). На слѣдующій день тоже самое не дали Фелицину позавтра-

(*) Господь І. Христосъ сказалъ: *иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды... аминь глаголю вамъ, не погубитъ* (не потеряетъ) *мзды* (награды) *своея* (Мѳ. 10, 42). И послушникъ экономскій не остался безъ награды за ничтожную (повидимому) услугу, оказанную голодавшему семинаристу... Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, при архіепископѣ тобольскомъ Георгіѣ, у протоіерея Фелицина случились большія непріятности: на него по званію градскаго благочиннаго поступило нѣсколько довольно важныхъ доносовъ, наряжались слѣдствія, производился судъ. Скорбя душей и помня, что милостыня въ день лютъ поможетъ обидимому и изметъ его отъ грѣховъ и что милостивые къ другимъ сами будутъ помилованы, Фелицинъ сталъ болѣе прежняго благотворить и благотворилъ какъ у себя въ домѣ, такъ между прочимъ и въ острогѣ, куда онъ имѣлъ во всякое время свободный доступъ по званію члена тоб. тюремнаго комитета. И вотъ разъ, когда онъ былъ въ острогѣ (пересыльныхъ преступниковъ) и когда кончилъ подаяніе милостыни и съ тѣмъ вмѣстѣ слово утѣшенія раскаявавшимся въ преступленіяхъ и крѣпко скорбѣвшихъ о постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ, къ нему подходитъ одинъ поч-

кать и не накормили обѣдомъ, и когда преосвященный узналъ объ этомъ и позвалъ къ себѣ эконома, то старикъ и владыкѣ далъ тотъ же отвѣтъ, что наканунѣ Фелицыну: „у васъ семинаристовъ много, мнѣ всѣхъ ихъ не накормить“. Преосвященный крайне огорчился этимъ, бранилъ чудака, даже махалъ около головы его тростью (сцена происходила на дворѣ архіерейскаго дома); но голодному отъ этого не было легче; легче стало только тогда, когда пр—ный велѣлъ накормить его остатками отъ своего обѣда, когда приказалъ жить ему у своего письмоводителя, снабдилъ его въ достаточномъ количествѣ чаемъ, сахаромъ и деньгами, да вскорѣ послѣ того зачислилъ за нимъ три мѣста—псаломщика въ соборѣ, письмоводителя въ семинарскомъ правленіи и писца въ консисторіи, съ полученіемъ отъ всѣхъ сихъ мѣстъ содержанія. Послѣ сего Фелицынъ въ Вологдѣ познакомился со многими семинаристами и несеминаристами, днями ходилъ на уроки въ богословію, а вечерами занимался обученіемъ пѣвчихъ. Архіерейскій хоръ составленъ былъ имъ болѣе, чѣмъ изъ 40 человѣкъ; пѣть хоръ началъ несравненно лучше прежняго, становясь за богослуженіемъ на два клироса, и народу стало ходить въ соборъ, между прочимъ и ради слушанія хорошихъ пѣвчихъ, гораздо болѣе, чѣмъ прежде. Вообще Петръ Андреевичъ въ Вологдѣ поприжился, даже сталъ было забывать Калугу, но въ концѣ февраля 1803 г. послѣдовало перемѣщеніе преосв. Антонія изъ Вологды (послѣ 7-ми мѣсячнаго его тамъ пребыванія) въ Тобольскъ, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа. Фелицынъ началъ было усиленно проситься въ Калугу, но пр—ный не только не отпустилъ его туда, но напротивъ всѣми возможными способами сталъ уговаривать и наконецъ уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Тобольскъ, съ обѣщаніемъ непремѣнно отправить его на свой счетъ въ Калугу или въ Москву, смотря по его желанію. Дѣлать было нечего: Фелицынъ отправился съ пр—нымъ Антоніемъ (Знаменскимъ) въ Тобольскъ, куда, хотя и не безъ непріятностей отъ раздражительнаго и болѣзненна-

---

ти престарѣлый узникъ въ платьѣ лицъ духовнаго званія, и именно въ полукафтаньѣ, и спрашиваетъ его: не вы ли, батюшка, были регентомъ архіерейскаго хора въ Вологдѣ въ 1803 году? Да, я въ то время управлялъ вологодскими архіерейскими пѣвчими, отвѣчалъ онъ ему. А помните ли вы, батюшка, послушника Іакова, жившаго тогда келейникомъ у эконома архіерейскаго дома, архимандрита Августа? Протоіерей отвѣчалъ: очень помню, онъ меня голоднаго накормилъ ломтемъ хлѣба и напоилъ кружкой квасу. Узникъ при этомъ сказалъ: это я самый и есть бывшій—экономскій послушникъ Іаковъ;

го владыки (*) въ пути, пріѣхалъ вечеромъ 23 марта 1803 года.

Въ Тобольскѣ Петръ Андреевичъ въ томъ же 1803 г. кончилъ курсъ ученія, а окончивъ курсъ, снова началъ проситься въ Россію и уже не въ Калугу, а въ Москву. Преосвященный все откладывалъ отправку его, сдѣлалъ его своимъ домашнимъ секретаремъ и настоящимъ регентомъ архіерейскаго хора. Въ слѣдующемъ году, когда открылась при каѳедральномъ соборѣ священническая вакансія, чтобы удержать Фелицина при себѣ навсегда, предложилъ ее ему съ нѣкоторыми другими довольно значительными выгодами, напр. съ оставленіемъ его и на будущее время регентомъ архіерейскаго хора и назначеніемъ епархіальнымъ катихизаторомъ, т. е. экзаменаторомъ всѣхъ причетниковъ, ищущихъ посвященія въ стихарь въ знаніи ими ставленническаго (Платоновскаго) катихизиса и умѣніи читать, пѣть по нотамъ и отправлять при богослуженіи церковнослужительскія обязанности, и сверхъ того, обѣщалъ отыскать ему посредствомъ купцовъ хорошую, состоятельную невѣсту. Молодой человѣкъ принялъ архіерейское предложеніе; купцы отыскали ему невѣсту, единственную дочь и наслѣдницу богатаго купца Дорохина, красивую дѣвицу, а затѣмъ отличную хозяйку и добрѣйшую женщину Екатерину Ивановну, съ которою онъ и вступилъ въ бракъ 6 мая 1804 года.

Съ достиженіемъ совершеннолѣтія и вступленіемъ въ бракъ, у о. Фелицина прекратились скорби дѣтства и скитанія по разнымъ странамъ, и напротивъ началась жизнь самостоятельная, безбѣдная, счастливая, по

былъ я послѣ васъ іеродіакономъ въ Прилуцкомъ монастырѣ и за грѣхи, о которыхъ при людяхъ стыжусь и разсказывать вамъ, разстриженъ, лишенъ монашества и сосланъ въ Иркутскую губернію на поселенье. Сдѣлавши вамъ хотя и ничтожное добро въ Вологдѣ, прошу васъ всепокорнѣйше оказать мнѣ грѣшному и несчастному милость свою въ Тобольскѣ". Протоіерей узналъ въ немъ, по чертамъ лица и звукамъ голоса, своего стариннаго вологодскаго знакомца, поцѣловалъ его въ лобъ и въ благодарность свою далъ ему пятирублевую ассигнацію,-тотъ палъ ему въ ноги со слезами благодарности. Протоіерей простившись съ узникомъ, при выходѣ изъ острога, по его собственнымъ словамъ, чувствовалъ въ сердцѣ такое пріятное ощущеніе и такую радость, какихъ во всю жизнь свою не ощущалъ. Надежда о. протоіерея на помилованіе отъ Господа за милость къ нищей и несчастной братіи оправдалась: всѣ доносы оказались несправедливыми или ничтожными; онъ былъ оправданъ и послѣ того съ теченіемъ времени получалъ еще важныя награды.

(*) Преосв. Антоній былъ ипохондрикъ и страдалъ отъ солитера, отъ чего нерѣдко бывалъ раздражителенъ и вообще очень тяжелъ для служившихъ близъ него, между тѣмъ для жившихъ и служившихъ въ удаленіи отъ него, особенно для сиротъ и семинаристовъ--добрѣйшій человѣкъ, настоящій отецъ.

крайней мѣрѣ видная. Того же мая, 21 дня 1804 г., Петръ Андреевичъ былъ рукоположенъ во священника къ тобольскому каѳедральному собору, а въ слѣдующемъ 1805 году опредѣленъ благочиннымъ вогульскихъ и частію остяцкихъ церквей; чрезъ шесть лѣтъ священства, а именно въ въ 1810 году, получилъ при томъ же каѳедральномъ соборѣ должность ключаря; чрезъ годъ послѣ сего назначенъ членомъ консисторіи, чрезъ семь лѣтъ по полученіи должности ключаря, а со времени рукоположенія во священника чрезъ 13, и именно въ 1817 г., былъ облеченъ саномъ протоіерея, чего прежде въ Тобольскѣ, т. е. чтобы ключари имѣли санъ протоіерея, никогда небывало; въ 1823 году, при самомъ открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, избранъ на должность старшаго попечителя и въ 1826 году, по смерти каѳедральнаго протоіерея, инспектора семинаріи, магистра Василія Ѳеодоровича Капустина, былъ сдѣланъ каѳедральнымъ протоіереемъ.

(Продолженіе будетъ):

ПРОТОІЕРЕЙ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
Фелицинъ (*).

Петръ Андр. Фелицинъ, посвященный 21 мая 1804 г. во священника къ тобольскому каѳедральному собору, оставался при немъ во всю свою жизнь, почти цѣлыхъ 67 лѣтъ, до самаго выхода своего, по причинѣ слѣпоты и глухоты, въ концѣ 1870 г., въ отставку.

Тобольскій каѳедральный соборъ, какъ безприходный и необладающій какими-либо особенно извѣстными святынями, съиздавна есть очень небогатый соборъ; служащіе при немъ и въ настоящее время получаютъ незначительное жалованье, а прежде получали и того менѣе: доходовъ не имѣли и не имѣютъ они никакихъ, кромѣ тѣхъ, которые получаются ими во время пребыванія въ соборѣ приносимой изъ Абалацкаго монастыря

(*) См. Тоб. епарх. вѣд. №№ 13—14 с. г.

чудотворной Абалацкой иконы Божіей Матери, съ 8 по 23 іюля. До послѣдняго времени соборный причтъ не имѣлъ даже казенныхъ квартиръ, почему многіе изъ членовъ его постоянно бѣдствовали. Но Петръ Андреевичъ никогда не искалъ другихъ, болѣе выгодныхъ мѣстъ и должностей, напр. мѣста протоіерея котораго нибудь уѣзда, и должности первоприсутствующаго въ какомъ нибудь духовномъ правленіи: онъ дорожилъ службой въ епархіальномъ городѣ на виду у архипастырей, въ надеждѣ вниманія ихъ къ себѣ, а чрезъ нихъ и Св. Синода, и въ томъ еще соображеніи, что въ епархіальномъ городѣ, при исправленіи тѣхъ или другихъ обязанностей, онъ съ большею пользою и для большаго числа людей можетъ употребить свои способности и знанія. Въ средствахъ же къ содержанію онъ не такъ нуждался, какъ другіе: онъ получилъ хорошее наслѣдство отъ тестя; имѣлъ (на кузнечной улицѣ) хорошій собственный домъ, который послѣ, когда обветшалъ, замѣненъ былъ (на улицѣ мало-архангельской) новымъ.

Значительное подспорье въ средствахъ на первое время священства доставляло П. А—чу регентство. Бывши регентомъ тобольскаго архіерейскаго хора, Петръ Андреевичъ изъ семинаристовъ, діаконовъ и причетниковъ составилъ хоръ больше, чѣмъ изъ 45 человѣкъ; въ случаяхъ убыли, онъ пополнялъ его, испытывая голоса городскихъ и сельскихъ діаконовъ и причетниковъ, во время поѣздки съ преосв. Антоніемъ по епархіи. Архіерейскіе пѣвчіе при преосв. Антоніѣ пѣли гораздо лучше прежняго, и тобольскіе купцы, довольные ихъ пѣніемъ, помимо обычныхъ наградъ регенту и пѣвчимъ, сшили имъ особенное пѣвческое платье изъ краснаго сукна съ серебрянымъ газомъ. Самъ регентъ въ то время владѣлъ уже прекраснымъ, вполнѣ нѣжнымъ теноромъ.

Съ 1805 года, какъ сказано было ранѣе сего, о. Петръ Андр. состоялъ благочиннымъ низовскихъ, т. е. находящихся на нижнемъ теченіи Иртыша, Оби и особенно по р. Кондѣ, вогульскихъ и частію остяцкихъ церквей. Въ этомъ званіи о. Фелицинъ служилъ цѣлые 20 лѣтъ. Такъ какъ лѣтомъ сообщенія между вогульскими селеніями, по причинѣ болотъ и рѣкъ, почти совсѣмъ не существуетъ, и такъ какъ Петру Андреевичу доводилось производить обозрѣніе церквей и отбирать отъ причтовъ годичную отчетность только въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ: то много ему въ эти 20 лѣтъ довелось натерпѣться холоду и голоду. Юрты вогуловъ строятся изъ тонкаго лѣса и немноонныя, нагрѣваются однимъ только, при

томъ часто дымнымъ, чуваломъ (нѣчто въ родѣ камина); сами жильцы ихъ часто въ зимнее время голодуютъ; поэтому останавливавшійся у вогуловъ благочинный, проникаясь сожалѣніемъ къ нимъ, и въ особенности къ ихъ дѣтямъ, взятый изъ дому запасъ съѣстнаго раздавалъ имъ иногда до послѣдняго куска, а самъ послѣ того питался по нѣскольку дней одной рыбой (ершами и окунями), которую вогулы ловили для него саками въ прорубяхъ р. Конды. Но за то, при встрѣчахъ и разговорахъ съ вогулами, а главное при своей природной даровитости, онъ научился довольно бѣгло говорить по вогульски, и когда открывшееся въ Тобольскѣ въ 1818 г. отдѣленіе библейскаго общества предложило ему заняться переводами на вогульскій языкъ молитвъ и священнаго писанія, онъ, при помощи родившихся и жившихъ среди вогуловъ двухъ смышленныхъ причетниковъ, братьевъ Поповыхъ, перевелъ для вогуловъ шесть молитвъ: царю небесный, отче нашъ, богородице дѣво... и проч.; символъ вѣры, заповѣди, псаломъ: помилуй мя Боже, правоученіе: буди благочестивъ, таблицу о должностяхъ христіанина, краткій катихизисъ митрополита Платона, священную исторію для дѣтей и всѣ четыре евангелія отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Затѣмъ нѣсколько разъ съ этими переводами о. Феликсъ ѣздилъ въ свое благочиніе на р. Конду, собиралъ къ себѣ болѣе смышленныхъ вогуловъ, читалъ имъ свои переводы, что имъ казалось непонятнымъ, то, послѣ распросовъ и разныхъ толковъ съ ними, исправлялъ, старался дѣлать понятнымъ. Священники вогульскихъ церквей списывали эти переводы и читали ихъ въ церквахъ и домахъ своимъ прихожанамъ, которые съ удовольствіемъ слушали и научались вѣрѣ въ истиннаго Бога; почему многіе изъ нихъ, дотолѣ тайно поклонявшіеся въ лѣсныхъ трущобахъ идоламъ, по словамъ автобіографіи о. протоіерея, перестали имъ поклоняться, даже истребили ихъ. За такіе труды Петръ Андреевичъ, возведенный въ протоіерея архіеп. Амвросіемъ (Келембетомъ) въ 1817 г. (за исправность по должности ключаря и нерѣдкое произношеніе во время войнъ Россіи съ Наполеономъ хорошихъ, проникнутыхъ патріотизмомъ проповѣдей), въ 1818 году былъ награжденъ скуфьей, въ слѣдующемъ же 1819 г. камилавкою, а помощники его—причетники братья Поповы, по его ходатайству, рукоположены во священники. Но увы! переводы на вогульскій языкъ, отправленные тобольскимъ отдѣленіемъ библейскаго общества въ Св. Синодъ, а Синодомъ переданные въ духовную цензуру, сею послѣднею, къ крайнему огорченію трудившихся, найдены неудовлетвори-

тельными и потому неодобрены (*). Требовались исправленія, передѣлки переводовъ, но Петръ Андреевичъ и его помощники отказались отъ этого (**) не только тогда, т. е. при существованіи библейскаго общества, а и въ послѣдствіи времени, напр. въ 1836 году, когда къ усовершенствованію переводовъ приглашалъ было ихъ преосвященный тобольскій Аѳанасій. Такимъ образомъ означенные переводы и остались въ безвѣстности, и погибли навсегда, и многіе вогулы, хотя давно и давно крещенные, но по отношенію къ вѣрѣ христіанской по прежнему и доселѣ сидятъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

При объѣздахъ своего низовскаго благочинія Петръ Андреевичъ подвергался не только холоду и голоду, а иногда и опасностямъ жизни. Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи объ одномъ изъ такихъ случаевъ. „Во время управленія тобольскою епархіею преосвященнымъ Амвросіемъ I-мъ (Келембетомъ) въ 1808 г., по мысли Сперанскаго и другихъ лицъ, послѣдовалъ указъ Синода отобрать накопившіяся деньги отъ всѣхъ церквей въ Россіи, для преобразованія старыхъ и устройства новыхъ духовныхъ академій (въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и наконецъ въ Казани), семинарій и училищъ, и онъ—благочинный Фелицинъ былъ посланъ для отобранія денегъ по своему благочинію. Доплывъ по Иртышу и частію Оби до послѣдней церкви своего благочинія, что въ селѣ Селіярскомъ за рѣкою Обью, отъ Тобольска въ 600 верстахъ, по приходо-расходнымъ книгамъ нашелъ въ этой церкви 400 руб. мѣдью, а бумажками и серебромъ ни копѣйки. Сложивъ мѣдныя деньги въ небольшую свою лодку, отправился онъ съ ними обратно въ большое селеніе Самарово. Переправляясь чрезъ Обь шириною въ томъ мѣстѣ въ полторы версты, гребцы и самъ благочинный увидѣли, что отъ тяжести мѣдныхъ денегъ въ лодкѣ отъ воды запасу только на одинъ вершокъ. Всѣ крайне пере-

---

(*) Въ это время цензурою не одобренъ и переводъ евангелія на остяцкій языкъ, сдѣланный березовскимъ протоіереемъ Вергуновымъ.

(**) О. прот. Фелицинъ, какъ пишущему хорошо извѣстно, при этомъ особенно оскорбился тѣмъ, что переводы его забракованы незнавшимъ вогульскаго языка, именно Павскимъ. Но едва ли справедливо предположеніе Петра Андреевича, будто цензоръ его не могъ быть справедливымъ цѣнителемъ его переводовъ: протоіерей Павскій былъ весьма извѣстный ученый лингвистъ; притомъ онъ былъ сельскій уроженецъ петербургской губерніи, гдѣ множество финновъ, слѣдовательно онъ могъ знать финскій языкъ, а языкъ вогульскій есть одна изъ отраслей финскаго языка.

пугались и, чтобы избавиться отъ потопа лодки съ деньгами, гребцы совѣтывали выбросить деньги въ воду; старикъ кормчій сказалъ, что отъ бросанія мѣшковъ съ деньгами лодка потеряетъ равновѣсіе и захлебнется водой, тогда мы всѣ погибнемъ. Правда, погода стояла тихая, но зыбь на рѣкѣ была большая отъ неравенства рѣчнаго дна; гребцы отъ страха начали было дѣйствовать веслами неровно, и отъ того вода стала было попадать въ лодку. Ужасъ овладѣлъ всѣми величайшій. Одинъ кормчій по крайней мѣрѣ по наружности оставался спокоенъ; онъ запретилъ гребцамъ грести и велѣлъ имъ сидѣть на своихъ мѣстахъ ровно и смирно, а самъ рулемъ своимъ началъ править по теченію рѣки къ берегу Неулевой протоки. При приближеніи лодки къ протокѣ, подулъ противный вѣтеръ, лодка начала качаться, сидѣвшіе въ ней каждую минуту ожидали себѣ смерти и всѣ были блѣдны и безгласны, какъ мертвые. Не доплывая саженъ 10 до берега Неулевой протоки, большой валъ покрылъ всю лодку (водою) и гребцы выскочили изъ лодки. Къ счастію, Обь вблизи берега оказалась мелкою, воды было не болѣе какъ до колѣнъ выскочившимъ изъ лодки. Притащивъ лодку къ берегу Неулевой протоки и вышедъ на землю, всѣ и отъ всей души поблагодарили Господа Бога за спасеніе свое отъ потопленія. Скоро наступилъ вечеръ, и такъ какъ былъ уже сентябрь мѣсяцъ, пошелъ большой снѣгъ; расположившись по необходимости ночевать на берегу протоки, путешественники развели большой огонь, и если когда былъ огонь благодѣтеленъ, то въ то время холодное: онъ согрѣлъ всѣхъ, у всѣхъ высушилъ мокрое платье, была сварена пища для гребцовъ и благочиннаго, у котораго были въ запасѣ хлѣбъ и живая птица. Вставъ по утру, благочинный послалъ одного гребца въ деревню нанять лошадь съ телѣгою, для перевозки мѣдныхъ денегъ и промѣна ихъ на ассигнаціи. Чрезъ 2 часа пріѣзжаетъ богатый крестьянинъ Конюховъ и привозитъ благочинному 400 р. ассигнаціями, а отъ него съ радостію получаетъ мѣдныя деньги для своей мелочной торговли. Послѣ того края лодки оказались выше воды на 2 четверти, что совершенно безопасно для путешествія водою. При дальнѣйшемъ посѣщеніи церквей по направленію къ Тобольску, благочинный уже ни въ одной изъ нихъ небралъ мѣдныхъ денегъ. Разсказывая послѣ объ этомъ происшествіи на рѣкѣ Оби, бывшій вогульскій благочинный отъ одного воображенія, отъ одного воспоминанія о немъ приходитъ въ ужасъ. Преосвященный Амвросій за успѣшный сборъ денегъ съ церквей вогульскаго

благочинія, священника Фелицина наградилъ въ 1808 г. набедренникомъ".

Чрезъ 20 лѣтъ завѣдыванія благочиніемъ низовскихъ, т. е. вогульскихъ церквей, Петръ Андреевичъ, какъ человѣкъ уже авторитетный, былъ перемѣщенъ на благочиніе церквей градо-тобольскихъ. Хлопотъ здѣсь для него было не менѣе, даже болѣе прежняго, потому что къ градскому благочинному, какъ живущему на мѣстѣ, почти непрестанно являются и духовные и міряне, то съ вопросами о разныхъ недоумѣнныхъ дѣлахъ, то со взаимными жалобами; но здѣсь по крайней мѣрѣ не нужны стали поѣздки въ холодную, немшоную Вогулію. Да здѣсь болѣе и почету: напримѣръ, если въ храмовой праздникъ въ какомъ нибудь градскомъ приходѣ самъ владыка не служитъ, въ такомъ случаѣ къ служенію непремѣнно приглашается градской благочинный, прот. Фелицинъ; предстоитъ-ли бракосочетаніе въ какомъ либо почетномъ или состоятельномъ семействѣ, въ совершители таинства просятъ о. прот. Фелицина; пріѣзжаетъ ли въ Тобольскъ кто нибудь изъ епархіальнаго духовенства, каждый таковой является къ градскому благочинному, между прочимъ, для записи времени своего пріѣзда, квартиры, на которой пріѣзжій остановился (это на случай спроса отъ владыки, на случай требованія по дѣламъ въ консисторію и пр.). И градскимъ благочиніемъ управлялъ о. протоіерей болѣе 20 лѣтъ, помнится, до 1847 г., когда на него поступили доносы отъ двухъ городскихъ священниковъ-свояковъ Першукова и Соловьева,—перваго давнишняго ябедника, а втораго совершенно распущеннаго, потерянаго человѣка, и когда по этимъ доносамъ были наряжены слѣдствіе и даже судъ. Хотя доносы оказались совершенно ложными и о. благочинный вполнѣ оправдался противъ взводимыхъ на него клеветъ, тѣмъ не менѣе оскорбленный этими доносами и принятіемъ ихъ къ разбирательству, чтобы болѣе не подвергаться таковымъ, отказался навсегда отъ градскаго благочинія, а остался благочиннымъ только надъ своимъ каоедральнымъ соборомъ, каковымъ и служилъ до самаго выхода, по своей слѣпотѣ, за штатъ; такимъ образомъ, всего служилъ онъ благочиннымъ 65 или 66 лѣтъ.

Ключаремъ Фелицинъ сдѣланъ былъ, какъ и замѣчено выше, въ 1810 году, еще довольно молодой, всего 27 лѣтъ отъ роду, и только чрезъ 6 лѣтъ священства при соборѣ. Должность ключаря при Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ, равно какъ и при другихъ въ Сибири каѳедральныхъ соборахъ, лицу исправляющему ее, кромѣ хлопотъ по соборной ризницѣ и особенно въ дни архіерейскаго служенія, не доставляетъ никакихъ ма-

теріальныхъ выгодъ. Въ тобольской и другихъ сибирскихъ епархіяхъ, по чрезвычайно большому ихъ пространству, не какъ въ епархіяхъ россійскихъ, за антиминсами, по случаю освященія церквей и ихъ придѣловъ и по случаю обветшанія антиминсовъ, а также и за святымъ муромъ, не являются за ними лично въ епархіальные города къ ключарямъ священники, старосты или ихъ довѣренные; напротивъ, вслѣдствіе прошеній къ архіереямъ или въ консисторіи, антиминсы посылаются, куда они требуются, по почтѣ, а святое муро препровождается изъ каѳедральныхъ соборовъ съ попутчиками, чаще изъ духовныхъ лицъ, въ соборы уѣздныхъ городовъ къ ихъ мѣстнымъ протоіереямъ, а сими уже раздается являющимся за этой святыней священникамъ и другимъ лицамъ изъ причта по довѣренности отъ священниковъ. Но для Петра Андреевича лестно было получить эту должность: назначеніе на нее означало вниманіе и довѣренность къ нему преосвященнаго и служило возвышеніемъ получившаго на лѣствицѣ іерархическаго служенія: ключарь дѣлался вторымъ при архіереѣ лицомъ и именно сряду послѣ каѳедральнаго протоіерея.

Должность ключаря Петръ Андреевичъ проходилъ 16 лѣтъ. Вотъ какое происшествіе однажды случилось съ нимъ на этой должности: разъ приходитъ ключарь свящ. Фелицинъ (такъ разсказываетъ о себѣ Петръ Андреевичъ въ своей автобіографіи) къ дверямъ соборной ризницы, въ которой хранилось денегъ до 100.000 руб. (ассиги.) семинарскихъ, архіерейскаго дома и соборныхъ; да сверхъ того серебряныхъ, золотыхъ и алмазныхъ вещей, различныхъ дорогихъ камней и брилліантовъ въ панагіяхъ и крестахъ архіерейскихъ и пр. также было тысячъ на сто (ассиги.), и не видитъ на дверяхъ ризницы печати. На вопросъ, предложенный пришедшему съ нимъ сторожу (Ивану Китаеву), клалъ ли онъ, Фелицинъ, печать на замокъ, когда незадолго предъ тѣмъ и при томъ же сторожѣ запиралъ ризницу? сторожъ отвѣчалъ, что онъ незнаетъ, не помнитъ. Чрезъ недѣлю снова приходитъ въ ризницу и также не находитъ печати ни на замкѣ, ни на пробояхъ запора. Тогда онъ впалъ въ величайшій ужасъ и побѣжалъ домой разсказать происшествіе о печати своему тестю—старику умному и доброму. Тотъ совѣтовалъ ему немедленно донести о съемѣ печати съ дверей ризницы преосвященному Амвросію; но П. А. немогъ этого сдѣлать, потому что отъ страха у него отнялся языкъ и оцѣпенѣли руки и ноги. Пришедши на другой день къ ризницѣ, онъ опять не видитъ печати на дверяхъ ея (а печать наканунѣ была положена). Тутъ онъ уже

прямо побѣжалъ къ преосвященному и разсказалъ все случившееся съ печатью. Архипастырь, выслушавъ объявленіе, долго смотрѣлъ въ лицо ключарю, не говоря ни слова ему, и наконецъ сказалъ: я сейчасъ наряжу всѣхъ членовъ консисторіи и всѣхъ соборянъ освидѣтельствовать всю ризницу и деньги. Часа чрезъ два или три собрались всѣ названныя лица и увидѣли въ сѣняхъ или прихожей ризницы не малое число воробьевъ, а по входѣ въ ризницу осмотрѣли сначала печати на всѣхъ сундукахъ, въ которыхъ хранились деньги. Печати и замки на сундукахъ и деньги въ сундукахъ всѣ оказались цѣлыми и сохранными. Затѣмъ осмотрѣны были драгоцѣнныя панагіи, кресты и митры архіерейскія, а также саккосы и омофоры, шитые жемчугомъ, но всѣ и эти вещи оказались цѣлыми и невредимыми. Послѣ того члены консисторіи и соборяне спрашивали ключаря: какую вы клали печать на замокъ? Онъ отвѣчалъ имъ, что желтаго воска. Всѣ ли цѣлы у васъ въ окнахъ ризничныхъ сѣней стекла? Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Посмотрѣвъ на одну оконницу и увидѣвъ, что въ ней одно стекло разбито, сейчасъ же всѣ заключили, что именно воробьи и клевали печати; это доказывалъ и найденный при дверяхъ ризницы, хотя и не въ большемъ количествѣ, воробьиный пометъ. Тогда всѣ въ одинъ голосъ сказали ключарю: вы правы, деньги и вещи у васъ всѣ цѣлы, вставьте только стекло въ оконницу; затѣмъ всѣ пошли къ преосвященному и разсказали ему, что ими найдено и что оказалось. Преосвященный сказалъ при этомъ, что съ нимъ самимъ такое же происшествіе было въ Кіевской лаврѣ, въ бытность его тамъ ризничимъ; потомъ онъ далъ опредѣленіе консисторіи, что ключаря находитъ онъ достойнымъ протоіерейскаго сана за то, что у него деньги и драгоцѣнныя вещи въ ризницѣ сохранны, за то еще, что онъ говорилъ хорошія проповѣди во время войны 12 года и сказалъ отличную проповѣдь по случаю заключенія мира съ французами. Вотъ почему ключарь сдѣланъ былъ протоіереемъ! Подобнаго примѣра въ Тобольскѣ до тѣхъ поръ никогда небывало, чтобы при одномъ соборѣ были два протоіерея.

Старшимъ попечителемъ о бѣдныхъ духовнаго званія Петръ Андреевичъ Фелицынъ служилъ съ самаго открытія въ 1823 г. въ Тобольскѣ попечительства и до выхода со всѣмъ изъ службы, не менѣе 47 лѣтъ. Въ эти года при немъ поступило въ тобольское попечительство болѣе 200.000 руб. сер., изъ нихъ израсходовано на бѣдныхъ и сиротъ духовныхъ до 130.000 руб. сер. и къ 1870 г., когда о. протоіерей оставилъ всѣ должности, въ попечительствѣ суммъ было болѣе 70 тыс. рублей. Въ храненіи, расходованіи и учетѣ этихъ попечительскихъ суммъ никто не трудился столько, сколько П. А., потому что сотрудники его бывали большею частію приходскіе священники, которые, занимаясь служеніемъ въ церквахъ и исправленіемъ требъ у своихъ прихожанъ, не могли быть постоянно въ попечительствѣ и имѣть всегдашній надзоръ за приходомъ

и расходомъ денегъ, и еще потому, что въ теченіи 47 лѣтъ одни изъ его сотрудниковъ умирали, иные поступали на мѣста въ другіе города или села, третьи были увольняемы отъ должности за нехожденіе въ попечительство, а о. протоіерей постоянно бывалъ тамъ и нелѣпостно занимался попечительскими дѣлами.

Въ члены консисторіи Петръ Андреевичъ вступилъ, какъ было замѣчено, въ 1811 году и состоялъ въ этой должности до 1852 или 1853 г., около 42 лѣтъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ консисторіаловъ: если кому какое дѣло о. протоіерей обѣщалъ сдѣлать, то непремѣнно сдѣлаетъ и сдѣлаетъ хорошо и скоро (*); притомъ въ его отдѣленіи не часто залеживались дѣла, и столоначальнику сего отдѣленія, не какъ столоначальникамъ другихъ отдѣленій, рѣдко предоставлялось самому писать постановленія. При одиннадцати архіереяхъ (а съ двумя московскими и однимъ калужскимъ, и при 14 ти) довелось Фелицину служить въ Тобольскѣ. Большая половина сихъ архипастырей (**) благоволили къ нему, но нѣкоторые изъ нихъ относились къ нему и съ недовѣрчивостію. Однакожъ, когда встрѣчались какія нибудь дѣла поважнѣе, посерьезнѣе, сами же эти архипастыри считали нужнымъ поручать ихъ именно ему. Такъ, напримѣръ, при преосв. Амвросіѣ II (1823—1825 гг.) никто изъ слѣдователей не могъ надлежащимъ образомъ произвести слѣдствія о какихъ-то неблаговидныхъ поступкахъ попечителя женскаго Туринскаго монастыря, весьма уже немолодыхъ лѣтъ, игумена Зосимы (постриженнаго въ Россіи изъ отставныхъ чиновниковъ и тамъ прославившагося своею, будто бы, строгою жизнію), но поѣхалъ Фелицинъ и повелъ слѣдствіе такъ, что о. Зосима счелъ за лучшее для себя тайкомъ навсегда уѣхать изъ Туринска въ Россію. При томъ же преосвященномъ получено было предписаніе отъ Оберъ-Прокурора Св. Синода развѣдать, по какой причинѣ стала уменьшаться сравнительно съ прежними годами прибыльная отъ продажи церковныхъ свѣчъ сумма. Для выполненія сего предписанія, въ губерніи Томскую и Енисейскую (которыя въ то время по церковному управленію принадлежали еще къ тобольской епархіи и изъ церквей кото-

(*) Въ этомъ отношеніи въ Петрѣ А. вотъ еще какая была хорошая черта: если кто-нибудь изъ авторовъ, особенно дух. званія, обращался къ нему съ просьбою о помощи въ сбытѣ его сочиненія, то онъ старался тому автору помочь, рекомендовалъ его сочиненіе, кому только можно было; причемъ говорилъ: ужъ если мы духовные своимъ духовнымъ не поможемъ, не поощримъ своимъ вниманіемъ къ ихъ трудамъ, то кто же имъ поможетъ, кто ихъ станетъ поощрять? Помню, о. Фелицинъ значительно помогъ ректору иркутской сем. Никодиму въ распродажѣ описанія ирк. Вознесенскаго монастыря и владимірскому свящ., учителю Чижову въ сбытѣ составленныхъ имъ греческаго словаря къ новому завѣту и какого-то (названіе теперь мною забыто) учебника по одному изъ предметовъ, преподававшихся въ 3 классѣ дух. училищъ.

(**) Портреты тоб. Архипастырей (впрочемъ не всѣхъ), а также митрополитовъ: Платона, Серапіона, Веофилакта и Филарета кіевскаго, при которыхъ онъ служилъ, находились на самыхъ видныхъ мѣстахъ его зала и гостиной, а теперь завѣщаны для зала собраній тобольской семинаріи.

рыхъ особенно мало и присылалось прибыльной суммы) былъ командированъ опять прот. Филицинъ (*). На формальные вопросы почти все духовенство и всѣ церковные старосты отвѣчали, что приходскія деревни отъ ихъ церквей находятся въ далекомъ разстояніи, да что и вообще сибирскій народъ не охотникъ до частаго посѣщенія общественнаго богослуженія, и что поэтому и въ самые большіе праздники ихъ церкви остаются почти пусты и что въ эти святые дни свѣчъ въ церквахъ расходится весьма мало. Но истинная причина была не та: тогдашнее мало-образованное духовенство, а тѣмъ болѣе старосты церковные и прихожане вовсе непонимали, даже нехотѣли понимать того, что на свѣчную прибыльную сумму воспитывается духовное юношество для духовной пользы самихъ же тѣхъ прихожанъ, и отсылку изъ церквей этой суммы они считали для себя и своихъ церквей за обиду, и потому намѣренно скрывали свѣчную прибыль и употребляли ее на нужды церквей, напримѣръ—на ихъ ремонтировку, на церковную утварь и пр., или что гораздо хуже, на собственныя потребности, на угощеніе другъ друга и пр. О. протоіерей разными путями узнавалъ это и своими разъясненіями, своими убѣжденіями, а гдѣ и угрозами достигалъ того, что отцы духовные и старосты, по крайней мѣрѣ на будущее время, обѣщали высылать сполна прибыльную отъ продажи свѣчъ сумму и, кажется, свое обѣщаніе выполняли вѣрно. Справедливость такой догадки подтверждается тѣмъ, что сибирскія епархіи, и изъ нихъ особенно тобольская, высылали въ Св. Синодъ прибыльной суммы гораздо болѣе, вдвое и втрое противъ иныхъ россійскихъ епархій, между

(*) Эта поѣздка доставила Петру Андреевичу много чести, да причинила ему не мало и горя. Много чести: въ иныхъ церквахъ, по простотѣ и особенной почтительности тогдашняго духовенства ко владыкамъ и ихъ представителямъ, ихъ приближеннымъ, встрѣчали Филицына со звономъ; и высоко стоявшія лица въ гражданскомъ управленіи Сибирью настолько вѣжливо принимали (напр. въ Красноярскѣ Губернаторъ Енисейскій Степановъ, и въ Омскѣ Генералъ-Губернаторъ Капцевичъ, а еще приглашали его къ себѣ на обѣды, а богатые и набожные Енисейскіе купцы, вмѣстѣ впрочемъ съ тамошнимъ чиновничествомъ и духовенствомъ, благоговѣйнымъ присутствованіемъ за совершаемымъ Филицинымъ богослуженіемъ, богатыми обѣдами и проводами оказали ему такую честь, какой онъ, какъ самъ выражается въ своей автобіографіи, нигдѣ и ни отъ кого не встрѣчалъ во всю свою жизнь. Поѣздка въ 1824 году по епархіи не мало причинила ему, Филицину, и горя: въ 1-хъ, онъ много терпѣлъ отъ зловонія озеръ и болотъ, отъ неимѣнія хорошей воды для питья и безчисленнаго множества навязчивыхъ насѣкомыхъ во время его проѣзда въ жаркое время по длинной Барабинской степи; во 2-хъ, онъ и экипажъ его терпѣли во время ѣзды по горамъ, частію въ Енисейскомъ, а болѣе въ Барнаульскомъ округахъ; въ 3-хъ, онъ чуть не умеръ-было въ одномъ селеніи на берегу Енисея отъ кроваваго поноса, отъ котораго однакожъ избавился — странно чѣмъ? сосаньемъ, по наставленію случайно встрѣтившагося доктора, сосаньемъ сока изъ свѣжей морошки (безъ глотанья самыхъ ягодъ) и купаньемъ въ рѣкѣ; и въ 4-хъ, онъ между Канскомъ и Томскомъ у моста какой-то рѣчки попался-было въ руки разбойниковъ, бѣглыхъ каторжниковъ съ Нерчинскихъ и Иркутскихъ заводовъ, и спасся отъ нихъ единственно чрезъ свою природную смѣтливость. Узнавъ изъ распросовъ еще на предъидущей станціи, что около рѣчки, у дорожнаго моста шалятъ разбойники, онъ взялъ, кромѣ лихового ямщика, трехъ верховыхъ проводниковъ, научилъ всѣхъ ихъ, какъ въ случаѣ опасности, дѣйствовать; и они, подъѣхавши къ мосту и увидѣвши выскочившихъ изъ подъ него троихъ грабителей, по наставленію отца протоіерея, закричали: „мы веземъ и проножаемъ вашего и нашего (ямщикъ и верховые всѣ были дѣти или внуки ссыльно-поселенцевъ) земляка, изъ Москвы протопопа; не троньте его“, — и тѣ немедленно спрятались подъ мость. (Это изъ автобіографіи Петра Андреевича).

прочимъ и противъ московской, тогда какъ церквей въ сихъ епархіяхъ сравнительно съ сибирскими гораздо больше, даже вдвое и втрое.—Преосв. Евгеній (Казанцевъ) поступилъ на тобольскую епархію (въ самомъ концѣ 1825 г.) съ такимъ предубѣжденіемъ противъ Фелицина, что когда сей, по порученію консисторіи, пріѣхалъ было въ Тюмень, чтобы встрѣтить его, то прогналъ его въ собственномъ смыслѣ сего слова (обратно въ Тобольскъ). Но прибывши въ Тобольскъ, всмотрѣвшись въ дѣла и людей и увидѣвши, что зло въ консисторіи и вообще по епархіальному управленію до него происходило отъ недостатка наблюденія за ними свыше и отъ крайняго неряшества секретаря (Ильинскаго), а не отъ члена ея, ключаря Фелицина, почтилъ сего послѣдняго своею довѣренностію: въ первый же годъ (1826) своего управленія тобольскою епархіею, когда мѣсто каѳедральнаго протоіерея сдѣлалось вакантнымъ, это мѣсто онъ предоставилъ именно ему—Фелицину, и въ послѣдствіи, когда служилъ не на тобольской епархіи, словомъ во всю свою жизнь, даже и тогда, когда лишился зрѣнія, велъ съ нимъ переписку.—Преемникъ пр. Евгенія, архіепископъ Аѳанасій (1832—1842) не былъ расположенъ къ о. протоіерею, но когда случались дѣла болѣе серьезныя, которыя требовали ума, опытности, ловкости, дѣла эти поручались отъ него преимущественно ему, Петру Андреевичу. Напримѣръ что-то напроказилъ семипалатинскій протоіерей и вмѣстѣ первоприсутствующій тамошняго духовнаго правленія Пл. Н—въ; производили и слѣдствіе, но толку не было, наконецъ командированъ былъ каѳедральный протоіерей, и слѣдствіе произведено къ удовольствію преосвященнаго и къ не тяжкому взысканію съ виновнаго. Вздумали устроить въ каѳедральный соборъ и во всѣ церкви епархіальнаго города и въ церкви нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ ризы и стихари, также одежды на престолы и жертвенники и пелены на аналои изъ бѣлаго серебрянаго глазета для того между прочимъ, чтобы все духовенство въ высокоторжественные дни на царскіе молебны являлось въ соборъ въ одинаковыхъ облаченіяхъ; кромѣ того нужно было для епархіи пріобрѣсти большое количество богослужебныхъ книгъ, да были и другія по епархіи нужды; для исправленія всего этого командировали въ Москву П. А., и все было исправлено наилучшимъ образомъ. Религіозная, глубоко просвѣщенная и вельможная супруга генералъ-губернатора Западной Сибири кн. П. Д. Горчакова просила преосвященнаго отрекомендовать ей кого нибудь (это было въ 1838 г.) въ преподаватели Закона Божія дѣтямъ ея, тремъ малолѣтнимъ дочеримъ; между преподавателями семинаріи и духовнаго училища преосвященный зналъ основательно знающихъ всѣ богословскіе предметы, да не чуждыхъ знанія въ иныхъ и свѣтскихъ наукахъ, но совершенно чуждыхъ умѣнья быть, говорить, обращаться въ знатныхъ домахъ, и преосвященный отрекомендовалъ П. А—ча, который и оправдалъ его рекомендацію вполнѣ: законоучителя полюбили дѣти, да законоучителемъ была весьма довольна и ихъ хорошо образованная и великосвѣтская мамаша.

(Окончаніе будетъ).

Содержаніе. Отповѣдь старообрядцамъ—преимущественно безпоповцамъ.—Протоіерей Петръ Андреевичъ Фелицинъ.

РЕДАКТОРЪ, ПРОТОІЕРЕЙ ПЕТРЪ ПОЛОВИНЪ.

Дозволено цензурою. 28-го августа 1883 года. Тобольскъ.

Лито-тип. Калининой.

ТОБОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 18.

16 сентября 1883 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРОТОІЕРЕЙ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕЛИЦИНЪ (*).

За дѣятельность по прохожденію своихъ многочисленныхъ должностей и умѣлое, дѣльное исполненіе какъ обазанностей по симъ должностямъ, такъ и многихъ и разнообразныхъ особыхъ порученій, о. протоіерей Петръ Андреевичъ былъ довольно щедро награждаемъ. Подъ конецъ службы онъ имѣлъ всѣ награды, какія только можно у насъ получить лицу, принадлежащему къ бѣлому провинціальному духовенству. Кромѣ наградъ—набедренника, скуфьи и камилавки, онъ имѣлъ палицу, орденъ св. Анны 2-й степени съ короною, орденъ св. Владиміра 3-й ст. и золотой наперсный крестъ съ украшеніями (**), выданный изъ кабинета Его Императорскаго Величества. Нѣсколько разъ (между прочимъ въ 1868 г.) онъ былъ представляемъ къ митрѣ, хотя представленія отклонялись, по необычайности самой награды для провинціальнаго духовнаго лица. За то нѣкоторыя награды давались Петру Андреевичу какъ-то особенно часто;

(*) См. Тоб. епарх. вѣд. № 17 с. г.

(**) Изъ 6 крестовъ (включительно съ орденскими знаками), какіе имѣлъ П. А. Фелицинъ, ЕГО ИМПЕР. ВЫСОЧЕСТВО вел. кн. Владиміръ Александровичъ, въ бытность въ 1868 г. въ Тобольскѣ, особенно заинтересовался бронзовымъ крестомъ за 1812 годъ. До встрѣчи съ Фелицинымъ, Великому князю не случалось ни на комъ видѣть этотъ крестъ.

напримѣръ въ 1817 г., когда ему только исполнилось 34 года, П. А. получилъ санъ протоіерея, въ слѣдующемъ 1818 г. получена имъ бархатная фіолетоваго цвѣта скуфья, въ 1819 г.—камилавка. Въ настоящую пору такъ часто никого изъ духовенства и ни за какія заслуги не награждаютъ, да и прежде это случалось чрезвычайно рѣдко.

Не все и не всегда, однакожъ, шло у о. протоіерея по службѣ благополучно, безъ непріятностей и треволненій. Припомнимъ изъ предъидущаго, что на него были доносы священниковъ Соловьева и Першукова (*). Хотя эти доносы, какъ оказалось на судѣ, были ложные, однакожъ они были приняты, по нимъ производилось слѣдствіе, и о. протоіерей, огорченный этимъ и разными при этомъ придирками, принужденъ былъ отказаться отъ должности градскаго благочиннаго и, сверхъ того, искалъ было у пр—наго митрополита Филарета переселенія на службу въ родную ему Москву (**). Но вотъ болѣе серьезная непріятность, испытанная Петромъ Андреевичемъ на долговременной своей службѣ. Въ 1850, или въ предъидущемъ году, тогдашній преосв. Георгій, вмѣстѣ съ консисторіей, ради дешевизны и въ видахъ умноженія прибыли для голодавшей и нищенствовавшей консисторской канцеляріи, рѣшились печатать въ губернской типографіи пробѣльные листы для метрикъ, исповѣдныхъ росписей, клировыхъ вѣдомостей и другихъ церковныхъ книгъ. Приходорасходчикъ консисторіи Никольскій, которому было поручено сноситься съ типографіей, какъ-то (чрезъ стачку съ печатникомъ) ухитрился печатать листовъ этихъ гораздо болѣе, нежели сколько значилось по документамъ; излишніе, секретные листы преимущественно и разсылались по церквамъ и деньги за нихъ приходорасходчикъ, разумѣется, получалъ въ свою пользу (***). Когда долго и искусно скрываемое преступленіе наконецъ обнаружилось,

---

(*) Першуковъ доносилъ, будто прибыль, получаемая отъ продажи свѣчъ въ лавочкѣ, открытой при Захарьевской церкви, что на базарѣ противъ гостинаго двора, вся поступаетъ въ собственность градскаго благочиннаго и что, будто бы, староста сей церкви лучшіе изъ прикладныхъ, по незаписанныхъ на приходъ драгоцѣнныхъ камней отдавалъ благочинному.

(**) Митрополитъ отвѣчалъ ему въ такомъ родѣ: „въ Тобольскѣ ты теперь первый, а въ Москвѣ, гдѣ весьма много священниковъ и протоіереевъ ученыхъ академистовъ и уже заслуженныхъ, ты будешъ послѣднимъ“.

(***) Болѣе 4 тыс. руб. с., какъ послѣ было усчитано, но всего и усчитать было нельзя, потому что деньги иными благочинными и священниками по мимо почты были передаваемы Никольскому въ руки, при-томъ безъ росписокъ.

то, и по самомъ строгомъ изслѣдованіи, въ расхищеніи денегъ отъ продажи пробѣльныхъ листовъ и нѣкоторыхъ другихъ суммъ оказался виновнымъ одинъ только названный приходорасходчикъ и въ нѣкоторой степени секретарь (человѣкъ нетрезвый и плохой знатокъ своего дѣла) Л—нъ, а изъ семи членовъ консисторіи, если и были виноваты, то только трое (изъ которыхъ одинъ былъ притомъ завѣдующимъ счетнымъ отдѣленіемъ) и то не въ соучастіи съ хищникомъ, а въ томъ, что подписывали довѣренности Никольскому на полученіе денегъ съ почты и послѣ никогда, по своей довѣрчивости, не справлялись, записаны ли тѣ деньги на приходъ. Всѣ же прочіе, а въ числѣ ихъ и Фелицинъ, не могли и не могутъ быть одобрены единственно за свою оплошность и простоту. Слышали, а иные изъ нихъ, быть можетъ, и видѣли, что приходорасходчикъ, получавшій ничтожное, по крайней мѣрѣ—незначительное содержаніе, живетъ далеко не по средствамъ, напр., держитъ хорошихъ лошадей, имѣетъ роскошный столъ и проч., и не потрудились развѣдать, хотя бы и самихъ себя спросить, откуда, съ чего у него такая роскошь? Хищникъ отъ руки правосудія, конечно, достойно и праведно испилъ горькую чашу, но, къ сожалѣнію, за свою излишнюю довѣрчивость и опущеніе по службѣ, поплатились всѣ члены консисторіи (исключая ректора семинаріи). Вмѣстѣ съ секретаремъ члены консисторіи должны были каждый внести порядочную часть своего скуднаго достоянія, и съ тѣмъ вмѣстѣ лишиться (въ 1852 или 1853 г.) своихъ въ консисторіи мѣстъ. О. протоіерей Фелицинъ, безпорочно прослужившій въ консисторіи слишкомъ 40 лѣтъ (съ 1811 г.), былъ очень огорченъ этимъ, и преемникъ преосв. Георгія (съ половины августа 1852 года) архіепископъ Евлампій, два раза ходатайствовалъ было предъ Св. Синодомъ о возвращеніи въ званіе членовъ консисторіи его, Фелицина, и ключаря прот. Ласточкина, но это ходатайство не имѣло уже успѣха.

Съ выходомъ изъ членовъ консисторіи у о. протоіерея П. А. Фелицина оказалось много досужнаго времени. Онъ и прежде, въ часы свободные отъ занятій по исполненію прямыхъ своихъ обязанностей, любилъ заниматься чтеніемъ отчасти свѣтской литературы по отдѣламъ—исторіи, древностей и путешествій, а въ особенности литературы духовной—св. писанія, толкованій на писаніе, проповѣдей и духовныхъ журналовъ... Теперь этому чтенію онъ отдался, можно сказать, всецѣло. Былъ онъ уже очень старъ, совершенно слѣпой и полуглухой, а чтеніе не оставлялъ: служившій ему наемный мальчикъ, хорошій чтецъ, каждодневно въ извѣстные

часы громко и внятно читалъ ему газеты и духовные журналы. При любви къ литературѣ о. протоіерей и самъ не чуждъ былъ авторства. 1) Припомнимъ, что съ 1818 года и по 1821 годъ, съ своими помощниками, братьями Поповыми, онъ трудился надъ переложеніемъ на вогульскій языкъ евангелій, молитвъ, св. исторіи и кой-чего изъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго; да сверхъ сего, и нѣсколько позднѣе того, именно въ началѣ 30-хъ годовъ, на тотъ же вогульскій языкъ имъ, по просьбѣ генералъ-губернатора Западной Сибири Ив. Ал. Вельяминова, былъ переложенъ уставъ для управленія вогулами, составленный Сперанскимъ; 2) въ 1859 году о. протоіереемъ Фелицинымъ составлена исторія тобольской іерархіи въ жизнеописаніяхъ большей части іерарховъ, управлявшихъ сибирскою паствою съ 1620 г. по годъ ея составленія (по 1859). Названная исторія написана бойко и читать ее пріятно, даже по мѣстамъ (именно, гдѣ описываются современные о. Фелицину, или не за долго до его пріѣзда въ Сибирь жившіе іерархи, напримѣръ послѣдній тобольскій митрополитъ Павелъ Конюскевичъ и архіепископъ Варлаамъ I-й), можетъ служить довольно хорошимъ матеріаломъ для будущей дѣльной исторіи тобольской іерархіи; но для печати она негодится по той причинѣ, что наполнена недосмотрами и ошибками. И какъ недопустить было этихъ ошибокъ, когда авторъ во введеніи къ сочиненію самъ сознается, что при составленіи исторіи іерархіи у него не было подъ руками никакихъ печатныхъ книгъ, ни лѣтописей, ни рукописныхъ записокъ, ни архивныхъ документовъ, и что онъ составлялъ его единственно на основаніи преданій и по своей памяти. Но какія и чрезъ кого могли сохраниться преданія о лицахъ, жившихъ за 200 и болѣе лѣтъ,—относительно того, какого, напримѣръ, тотъ или другой архіерей былъ роста, какой у него былъ взглядъ, голосъ, что онъ тогда-то и тогда-то говорилъ, кто и каковъ у него былъ секретарь и пр.,—лицахъ при томъ самыхъ заурядныхъ, самыхъ обыкновенныхъ, когда этихъ преданій, по вѣрнымъ отзывамъ даже записныхъ любителей тобольской старины (напр. Абрамова), нарочито собиравшихъ свѣдѣнія вообще для исторіи Сибири, и въ частности для исторіи Тобольска, съ его храмами, святынями, архипастырями и пр.,—когда этихъ преданій вовсе не существуетъ!.. Насколько пишущему извѣстно, исторія тобольскихъ іерарховъ, съ замѣчаніями просматривавшаго ее, хранится между бумагами бывшаго тобольскаго церковно-историко-статистическаго комитета, куда она первоначально поступила. 3) Покойный о.

протоіерей оставилъ еще послѣ себя автобіографію, написанную имъ, по настоянію цѣнившаго его архіепископа Варлаама II, уже въ глубокой старости, когда ему было близъ 90 лѣтъ и даже отчасти, когда онъ лишился уже зрѣнія. Эта автобіографія особенно интересна въ первой ея части, гдѣ разсказывается о дѣтствѣ и юности писавшаго ее. 4) Въ 66 лѣтъ дѣйствительнаго служенія во священствѣ о. протоіереемъ многое множество было писано проповѣдей и очередныхъ и неочередныхъ и весьма немало было произнесено имъ рѣчей, напр. при освященіи церквей, при встрѣчѣ и проводахъ архіереевъ, при бракосочетаніяхъ, похоронахъ и разныхъ другихъ случаяхъ. Особенное достоинство имѣли слова и рѣчи Петра Андреевича, произнесенныя имъ въ отечественную войну и во всѣ слѣдовавшія за ней войны Россіи съ французами. Французы раззорили чуть не половину Россіи, между прочимъ и московскую губернію, ограбили и сожгли Москву, осквернили московскія святыни. При извѣстіяхъ объ этомъ въ то время и всѣ русскіе горѣли патріотизмомъ, а Петръ Андреевичъ, какъ природный москвичъ, тѣмъ болѣе скорбѣлъ о Москвѣ и Россіи; потому-то онъ, во время войнъ съ Наполеономъ и при заключеніи мира съ французами, произносилъ проповѣди съ особеннымъ одушевленіемъ. Народу тогда собиралось въ соборъ къ архіерейскому служенію весьма много, между прочимъ, въ надеждѣ услышать въ немъ патріотическую проповѣдь Фелицына, да и преосвященный того времени (Амвросій I-й) хвалилъ его за нихъ, и въ 1817 году Петра Андреевича, тогда еще 34-лѣтняго, рукоположилъ въ протоіерея, между прочимъ, какъ замѣчено было прежде, и за хорошія поученія, говоренныя имъ въ 1812—1815 гг. Нужно замѣтить, впрочемъ, что проповѣди о. протоіерея послѣдующаго времени слушались уже не такъ охотно и вообще—сравнительно были цѣнимы мало,—впрочемъ не за недостатки ихъ внутренняго достоинства, а единственно за своеобразность произношенія ихъ. Произносить проповѣди Петръ Андреевичъ выучился въ платоновскія времена—съ жестами, съ особенной интонаціей, да такъ произносилъ ихъ и тогда, когда платоновскія времена давно миновали, и когда жесты, мины, особенная интонація слушателямъ въ проповѣдникахъ уже не нравились.

Изъ всего написаннаго П. А. Фелицынымъ въ печати мнѣ извѣстны только три его статьи: 1) сибирскій почтъ-инспекторъ д. ст. совѣтн. Алексѣй Кичуровъ (тоб. губ. вѣд. 1857 г.), 2) рѣчь, сказанная предъ отправленіемъ изъ Тобольска въ Псковъ архіепископа Ѳеогноста, съ отвѣ-

томъ на нее самого архипастыря (Стран. 1863 г. февраль, отд. IV, стр. 53—55), и 3) начало его автобіографіи, подъ названіемъ: „дѣтство и юность бывшаго тоб. каѳедральнаго протоіерея П. А. Фелицина“ (Стран. 1880 года, май).

До сихъ поръ мы говорили объ о. прот. Петрѣ Андреевичѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ, о лицѣ служебномъ; скажемъ нѣсколько словъ о немъ, какъ человѣкѣ частномъ, напримѣръ объ его характерѣ, объ обращеніи его въ обществѣ, о его семейной жизни и пр.

Петръ Андреевичъ былъ человѣкъ представительный, бойкій, расторопный, какъ нынѣ говорится, умѣвшій быть въ какомъ угодно обществѣ, умѣвшій поговорить, побесѣдовать съ кѣмъ угодно—съ знатнымъ, съ лицемъ средняго состоянія и человѣкомъ простымъ. Съ лицами духовными, онъ какъ служившій при многихъ пр—ныхъ, и тѣмъ болѣе видавшій ихъ и слыхавшій какъ о нихъ, такъ и о другихъ духовныхъ особахъ, говорилъ объ архіереяхъ и духовныхъ лицахъ стараго времени, любилъ также посудить о предметахъ богословскихъ, о какихъ либо трудныхъ для пониманія мѣстахъ св. писанія, о недоумѣнныхъ вопросахъ пастырской практики и пр. Лицамъ набожнымъ, паломникамъ, съ направленіемъ аскетическимъ онъ разсказывалъ о московскихъ, подмосковныхъ, вологодскихъ и другихъ монастыряхъ, храмахъ, святыхъ и святыняхъ. Въ бесѣдѣ съ лицами свѣтскими принималъ участіе въ разговорахъ о предметахъ политики, государственной жизни, о дѣлахъ по гражданской службѣ; съ людьми интеллигентными—о литературѣ и предметахъ научныхъ; съ купцами, мѣщанами, крестьянами—о ихъ торговлѣ, о ихъ промыслахъ, оборотахъ, земледѣліи, скотоводствѣ и пр.,—говорилъ нерѣдко съ легкимъ юморомъ, съ приличными шутками, словомъ—со всякимъ человѣкомъ находилъ о чемъ поговорить (*): былъ, какъ говорится, всегда „душой общества“. Кто встрѣчался съ П. А—чемъ, тотъ подтвердитъ, что сказанное нами

(*) Съ П. А. Фелицинымъ въ 1868 году, въ проѣздъ чрезъ Тобольскъ, благосклонно бесѣдовалъ и Его Имп. Высочество вел. кн. Владиміръ Александровичъ. Когда еще Его Высочество изволилъ сказать П. Андреевичу, что онъ довольно уже послужилъ и пожилъ, то тотъ съ обычнымъ ему юморомъ отвѣчалъ: „а вотъ теперь, какъ увидѣлъ Ваше Имп. Высочество, то и еще годокъ другой поживу“. Петра А. уже слѣпаго приглашалъ къ себѣ, въ бытность въ Тобольскѣ, Его Имп. Высочество вел. кн. Алексѣй Александровичъ и изволилъ разспрашивать о его жизни, о числѣ архіереевъ, при которыхъ онъ служилъ и пр.

вполнѣ справедливо; для незнавшихъ же его лично вотъ два коротенькіе разсказа, слышанные пишущимъ,—одинъ лично отъ самого о. протоіерея, а другой отъ Е. П. К—ой, дамы довольно образованной и главное непосредственно присутствовавшей при разсказываемомъ случаѣ.

1. Петръ Андреевичъ, какъ сказано было раньше, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ преосв. Аѳанасіемъ былъ командированъ въ Москву, между прочимъ для покупки бѣлаго глазета для ризъ и стихарей тобольскаго духовенства. По пути въ большихъ городахъ, и особенно въ самой Москвѣ, являлся онъ къ преосвященнымъ и другимъ высокопоставленнымъ или почему либо извѣстнымъ лицамъ, нидѣ знакомился и съ ихъ семействами. Видя сибирскаго протоіерея умнаго, развитаго, расторопнаго, умѣющаго со всѣми говорить и обращаться, нѣкоторые изъ принимавшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ спрашивали: „а что, батюшка, много въ Сибири такихъ духовныхъ лицъ, какъ вы?“—„Я тамъ самый послѣдній“, отвѣчалъ Петръ Андреевичъ.—„Да вы батюшка, продолжали его вопрошать, изъ природныхъ сибиряковъ, или изъ пріѣзжихъ туда изъ Россіи?..“ Какъ бывало, замѣчалъ шутя Петръ Андреевичъ, скажу, что я родомъ москвичъ, то уваженіе ко мнѣ сейчасъ и падаетъ, стушевывается; потому я и началъ всѣмъ, предлагавшимъ такого рода вопросы, сказываться природнымъ сибирякомъ,—въ такомъ случаѣ уваженіе ко мнѣ, и нѣкоторымъ образомъ ко всему сибирскому духовенству, поддерживалось. 2. Въ концѣ 50-хъ или началѣ 60-хъ годовъ въ домѣ покойныхъ тобольскихъ часторговцевъ Пиленковыхъ былъ поминальный обѣдъ. Въ числѣ обѣдавшихъ было немало лицъ духовныхъ, чиновныхъ, купцовъ и дамъ разныхъ званій и состояній. Предъ концемъ обѣда зашелъ разговоръ по занимавшему тогда русскую печать, и едва ли не всѣхъ образованныхъ и полуобразованныхъ русскихъ, вопросу объ эмансипаціи женщины, о равенствѣ женщины въ правахъ и преимуществахъ съ мущиной. Одни изъ собесѣдниковъ, какъ почти и всегда бываетъ, говорили за дарованіе женщинѣ равныхъ во всемъ правъ съ мущиной, другіе напротивъ. За права женщинъ горячѣе другихъ говорилъ Фелицинъ, противнаго же мнѣнія тверже, упорнѣе другихъ держался ректоръ семинаріи, архимандритъ (покойный) Паисій. Они одни, наконецъ, и остались на полѣ словесной битвы. Только Фелицинъ, видя, что строгій монахъ не уступаетъ въ защищаемомъ имъ, при томъ правомъ, дѣлѣ, употребилъ такой маневръ; обратился къ дамамъ и сказалъ: „ну, барыни, я защищалъ васъ, теперь защищайтесь сами!“.. Разумѣется, всѣ

при этомъ засмѣялись и шумъ кончился какъ бы къ общему удовольствію, безъ обиды, безъ неудовольствія для кого бы то ни было.

Въ покойномъ о. протоіереѣ видна еще была черта—гостепріимство. Святки, пасха, имянины его, его супруги и другихъ членовъ семейства у него, бывало, не пройдутъ безъ вечера, безъ угощенія. Кромѣ этихъ нарочитыхъ дней, у него нерѣдко бывали домашнія собранія семейнаго характера, на которыхъ, впрочемъ гостей у него всегда бывало довольно, и мужскаго и женскаго пола, всѣхъ сословій. Изъ духовенства непремѣнными его гостями были члены и секретари консисторіи и попечительства, начальники и преподаватели семинаріи, хотя послѣдніе съ 30-хъ и 40-хъ годовъ всегда были далеко моложе его многими годами. Вечера, собранія и праздники у Петра Андреевича завсегда бывали веселые и пріятные, а угощенія отличались изобиліемъ въ яствіи, питіи и сластяхъ: гость отказывается отъ чего нибудь, не склоняется на приглашенія и просьбы хозяина, является съ такими же приглашеніями и убѣжденіями хозяйка. Кромѣ того, если въ Тобольскъ пріѣзжаетъ изъ уѣздовъ, или изъ другаго мѣста, какой нибудь старый знакомый, или только пожелавшій познакомиться съ Петромъ Андреевичемъ,—пріѣзжаетъ ли также кто нибудь изъ епархіальнаго духовенства—благочинный, священникъ пообразованнѣе, поразвязнѣе, Петръ Андреевичъ непремѣнно угощаетъ ихъ обѣдомъ. Пишущій—живой примѣръ; отъ меня о. протоіерей во время службы моей въ Тобольскѣ, да и когда бы то ни было, особенныхъ одолженій или услугъ никакихъ не получалъ, а только былъ онъ хорошо знакомъ со мной и съ воспитателями моей жены; но когда я или члены моей семьи пріѣзжали въ Тобольскъ (*) онъ непремѣнно приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ или вечерній чай. Всего же замѣчательнѣе, даже трогательнѣе въ этомъ отношеніи то, что онъ, бывши уже лишеннымъ зрѣнія, при пріѣздахъ въ Тобольскъ моихъ семейныхъ, платилъ имъ визиты и опять-таки угощалъ ихъ обѣдами; наконецъ, когда я самъ въ 1876 году пріѣхалъ въ Тобольскъ и когда 93-лѣтній (въ тотъ годъ) о. протоіерей изъ живаго и бойкаго сдѣлался уже едва движущимся и изсохшимъ какъ лучинка, онъ все же принималъ меня весьма радушно, бесѣдовалъ, между прочимъ, отъ писанія и о событіяхъ старыхъ временъ и ни за что не отпускалъ безъ чаю или безъ закуски, смотря по времени, въ какое посѣтишь его.

(*) Съ 1833—1848 гг. я служилъ въ Тобольскѣ, а потомъ служилъ и живу въ Омскѣ.

Семействомъ своимъ покойный о. протоіерей, можно сказать, съ одной стороны—былъ очень счастливъ, а съ другой—не со всѣмъ. Очень счастливъ онъ былъ спутницей своей жизни. Екатерина Ивановна, какъ и выше замѣчено, была очень добрая женщина, отличная хозяйка, терпѣливая супруга, которая имѣла хорошее вліяніе на мужа своего. Какъ часто ни были гости у Петра Андреевича и какъ ни много ихъ случалось у него, у Екат. Ив. всегда и все бывало готово для угощенія, и всѣхъ она принимала ласково. Петръ Андреевичъ иногда на неисправныхъ подчиненныхъ своихъ изъ благочинія погорячится; Екатерина Ивановна постарается, хотя тайкомъ, напримѣръ—гдѣ нибудь въ прихожей или на крыльцѣ, успокоить своимъ ласковымъ словомъ подвергшагося взысканію, а затѣмъ тѣми или другими способами успокоить и самого супруга своего. Петру Андреевичу иногда, по неважному какому нибудь дѣлу или даже по ошибкѣ, задана будетъ въ архіерейскомъ домѣ порядочная головомойка, возвратится онъ домой не въ духѣ, разстроенный, огорченный; Екатерина Ивановна и безъ разговора, безъ разспросовъ сметитъ это и найдетъ средство развлечь, успокоить его. „Да ты, случалось, спроситъ она опечаленнаго и очень разстроеннаго мужа,—да ты виноватъ въ томъ, за что тебя журили? Если нѣтъ, то нечего тебѣ и безпокоиться много,—скажетъ, бывало, ему. Владыка самъ скоро увидитъ свою ошибку“... Мужъ успокоивался и замѣчаніе жены осуществлялось. Къ счастію Петра Андреевича, супруга его жила долго (64 года въ супружествѣ), такъ что умерла, хотя уже и очень одряхлѣвшею, бывши уже близъ 80-ти лѣтъ (въ іюлѣ 1867 года).

Не совсѣмъ счастливъ, и благополученъ былъ Петръ Андреевичъ своимъ потомствомъ. Старшій сынъ, послѣ семинаріи, учился въ университетѣ, служилъ учителемъ гимназіи въ одной изъ западныхъ губерній и умеръ молодой, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сиротъ, которыхъ дѣдушка съ бабушкой воспитали и пристроили и которые, однакожъ, оба давно уже, далеко ранѣе ихъ померли. Младшій сынъ (также давно умершій), къ крайнему огорченію родителей, худо учился, и, кажется, еще хуже служилъ. Двѣ дочери, пристроенныя за чиновниковъ, рано овдовѣли и обѣ по вдовствѣ явились въ родительскій домъ,—одна съ тремя сиротами, а другая съ пятью или шестью. Дѣдушка, впрочемъ, не тяготился сиротами, напротивъ въ письмахъ къ знакомымъ писалъ: „сироты мои, какъ ангелы, на крыльяхъ своихъ вознесутъ меня на небо“. И онъ

ихъ вспоилъ, вскормилъ, воспиталъ и пристроилъ.—Въ составъ семейства о. протоіерея входила еще его мать. Будучи нѣкогда самой бѣдною и простою сельской женщиною, она стѣснялась домашней обстановкой сына, у котораго весьма нерѣдко бывали гости, а еще того чаще бывали разныя лица по дѣламъ благочинническимъ, или по дѣламъ консисторскимъ и попечительскимъ. Почему она избрала себѣ помѣщеніе отдѣльное отъ его семейства, въ нижнемъ этажѣ дома и тамъ вела уединенную, впрочемъ—въ теплѣ и покоѣ, жизнь. Сынъ, не смотря на свое значительное положеніе и на то, что украшенъ былъ крестами и орденами, каждое утро спускался внизъ поздороваться съ своей матушкой и, если въ праздники и въ дни, почему-либо знаменательные въ семействѣ, подавали къ обѣду на столъ какое нибудь блюдо особенно лакомое, онъ непремѣнно сперва часть отъ него отправлялъ къ ней, своей родной старушкѣ, и потомъ уже принимался за трапезу съ семьей. Мать его жила лѣтъ близъ 90, и едва ли не по ея натурѣ была и натура сына, прожившаго 96½ лѣтъ.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ жизни о. протоіерея Петра Андреевича. Проживши около 87 лѣтъ и въ санѣ священника прослуживъ до 66 лѣтъ, Петръ Андреевичъ началъ чувствовать недостатокъ слуха и въ особенности ослабленіе зрѣнія; къ тому же лишившись въ 1867 г. своей почти 80-лѣтней Сарры, какъ онъ часто и въ разговорахъ со знакомыми и въ письмахъ къ своимъ пріятелямъ, шутя называлъ свою супругу, старецъ часто и много плакалъ, и отъ того въ 1870 году окончательно сталъ слѣпнуть, такъ что разъ за архіерейскимъ служеніемъ, въ концѣ литургіи, показавши народу въ послѣдній разъ сосудъ со св. дарами, при словахъ: *всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ,* и понесши его на жертвенникъ, онъ за что-то зашпился и чуть было не упалъ. Невольно покойный въ названномъ (1870) году испросилъ себѣ увольненіе въ отставку, въ которой и жилъ 9 лѣтъ.

По отставкѣ начались хлопоты о пенсіи заслуженному и отемнѣвшему старцу: и самъ онъ просилъ, и епархіальное начальство ходатайствовало объ обращеніи ему въ пенсію оклада жалованья, какой получаютъ теперь каѳедральные протоіереи, т. е. по 400 руб.; но ему, прослужившему (до 1870 года) въ священномъ санѣ 66 лѣтъ и въ званіи каѳедральнаго протоіерея 44 года и имѣвшему на рукахъ немалое семейство, пенсія была назначена (конечно на основаніи существовавшаго тогда положенія о пенсіяхъ лицамъ духовнаго званія) только 90 руб. въ годъ! Усиленное хо-

датайство епархіальнаго начальства и предстательство нѣсколькихъ значительныхъ лицъ объ увеличеніи пенсіи о. протоіерею имѣли послѣдствіемъ только то, что было предоставлено епархіальному начальству увеличить означенную пенсію изъ епархіальныхъ средствъ, если таковыя найдутся. Старецъ и получалъ изъ разныхъ мѣстныхъ источниковъ (изъ попечительства, собора и консисторіи), сверхъ тѣхъ 90 руб., первоначально 300 р., а потомъ, когда нѣкоторые изъ этихъ источниковъ изсякли, нѣсколько менѣе. Благо, что Петръ Андреевичъ въ свое время берегъ копѣйку на черный день!

Копѣйка, которую Петръ Андреевичъ берегъ и сберегъ на черный день, однакожъ вовсе не была такъ велика, какъ многіе предполагали. Были лица, которыя считали денежныя его сбереженія десятками тысячъ и находили напрасными, съ его стороны, хлопоты о пенсіи и объ увеличеніи ея, хотя бы то изъ епархіальныхъ средствъ. Предполагавшіе это старались подтвердить свои слова тѣмъ, что онъ получилъ богатое наслѣдство отъ тестя и что онъ болѣе половины долгой своей жизни служилъ, когда во всѣхъ родахъ службы, между прочимъ и въ епархіальной, существовалъ патріархальный обычай—благочинными и членамъ консисторіи дѣлать, присылать приношенія и деньгами и вещами. Но по пословицѣ, въ чужихъ карманахъ легко считать (деньги); считавшіе и насчитавшіе въ карманѣ покойнаго старца такъ много достатка забывали, что 1) онъ отъ собора всегда получалъ ничтожныя средства, съ тридцатыхъ годовъ и почти до самой своей отставки, 700 или 800 р. ассигнаціями жалованья, да доходовъ рублей 100 или полтораста въ годъ ассигнаціями же, а ранѣе еще и гораздо менѣе того; что 2) онъ и всегда, а особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ его домѣ стали появляться сироты—внуки и внучки, всегда содержалъ большое семейство, и подраставшихъ изъ него пристраивалъ нескудно, хотя и не съ такою щедростію, какъ иные также толковали (*); что 3) Петръ Андреевичъ всегда держался, какъ ранѣе было замѣчено, патріархальныхъ правилъ, т. е. всегда былъ гостепріименъ и угостителенъ, поэтому на расходы каждогодно, и особенно съ 50-хъ годовъ, къ жалованью и доходамъ соборнымъ долженъ былъ прикладывать порядоч-

(*) А толковали, напр., будто онъ за каждой внучкой давалъ, кромѣ приданаго, по 3 тыс. руб. сер., тогда какъ этого послѣдняго вовсе не было: пишущій знаетъ это изъ вѣрнаго источника.

ную сумму изъ капитала, доставшагося ему отъ тестя, и изъ своихъ прежнихъ сбереженій, и что 4) онъ, какъ высокопоставленный въ епархіальной іерархіи, и во внѣшней жизни державъ себя прилично своему положенію, напр. для явки въ праздники къ богослуженію, для представленій къ кому либо изъ значительныхъ лицъ, для праздничныхъ визитовъ и пр., онъ имѣлъ рясы и полукафтанья канфовыя, шелковыя, имѣлъ даже теплую рясу на богатомъ лисьемъ мѣху, крытую бархатомъ, а для того чтобы выѣхать, прокатиться его семейству, особенно въ какой нибудь праздничный день, у него были полуколяска, возокъ и пара хорошихъ воронихъ коней. Чтобы не говорить много, скажемъ, что послѣ умершаго старца, котораго представляли чуть не милліонеромъ, остался домъ въ 1000 или въ 1500 руб., остались кой-какія самыя простыя домашнія вещи (хорошія давно были издержаны или проданы) и 4000 руб. денегъ, изъ которыхъ 1000 имъ завѣщана на погребеніе и поминовеніе его и на нѣкоторыя богоугодныя дѣла, а все прочее предоставлено двумъ давно вдовымъ дочерямъ.

Девять лѣтъ о. протоіерей Фелицинъ жилъ на покоѣ, жилъ совершенно слѣпой и на половину глухой. Скучное, горестное въ это время было положеніе его: 87 лѣтъ пользовался великимъ даромъ Бога и натуры—зрѣніемъ, любовался природой, видѣлъ храмы Божіи и все что въ нихъ, видѣлъ людей и пр., а тутъ долженъ былъ сидѣть, оставаться постоянно во тьмѣ и сѣни смертнѣй; привыкъ священнодѣйствовать (*), а тутъ нельзя стало даже и видѣть ничего изъ священнодѣйствій, даже и слышать-то могъ изъ нихъ только весьма и весьма немногое. Вся долгая жизнь П. А. прошла, можно сказать, въ кипучей дѣятельности, а тутъ пришло время, что ничего нельзя стало дѣлать: любилъ онъ почитать, любилъ поговорить съ членами своей семьи, побесѣдовать съ посѣтителями, а тутъ оставалось сидѣть одному, болѣе молча. Читалъ о. протоіерею по нѣсколько разъ въ день, и разумѣется весьма по немногу, то св. писеніе, то каноникъ, то газеты и духовные журналы—наемный, ухаживавшій за нимъ мальчикъ; но что было это за чтеніе?.. Говорить ему доводилось только съ двумя своими старушками-дочерями и нѣсколькими изъ непристроенныхъ внучатъ, когда они приходили къ нему утромъ поздоро-

(*) Впрочемъ, уже слѣпотствовавшій о. протоіерей каждогодно самъ служилъ молебенъ, когда (въ іюлѣ), по приглашенію его, приносили въ его домъ чудотворную Абалакскую икону Божіей Матери.

ваться и принять отъ него благословеніе. Сторонимъ же кому и какъ было часто навѣщать его? Самые пожилые изъ градскаго духовенства были моложе его на 40 и 50 лѣтъ; и говорить съ нимъ, какъ съ полуглухимъ, было очень тяжело.—Любилъ прежде о. протоіерей, въ хорошую погоду и при выпадавшей иногда свободѣ отъ дѣлъ, пройтись, проѣхать, прогуляться по городу и за городомъ, а тутъ пришло такое время, что выѣзжать доводилось ему только изрѣдка, и то въ одни праздники, къ богослуженію во храмъ Божій (*), да пройтись иногда по комнатѣ по нарочито для него протянутой веревочкѣ. Въ чемъ же, слѣдовательно, и какъ у слѣпца старца проходило время? Болѣе въ одиночныхъ воспоминаніяхъ былаго изъ жизни своей и другихъ, и еще того болѣе въ умственной, духовной молитвѣ. Покойный неоднократно говорилъ изрѣдка посѣщавшимъ его, что Господь даровалъ ему долгую жизнь именно для того, чтобы имѣть время оплакать многіе и тяжкіе свои грѣхи, покаяться въ своихъ вольныхъ и невольныхъ согрѣшеніяхъ.

Петръ Андреевичъ въ свое время былъ довольно полный, подвижной, но въ послѣднее время, во время слѣпоты своей, онъ изсохъ, согнулся. Слышно было, что онъ и передъ смертью особенно не болѣлъ, но все сохъ и изсохъ до того, что три послѣдніе недѣли уже никакой пищи не принималъ, а только пилъ воду и чай, и то въ крайне умѣренномъ количествѣ. Скончался почти незамѣтно, въ половинѣ одинадцатаго часа утра, 16 декабря 1879 года, неоднократно предъ симъ напутствованный таинствами св. церкви.

Отпѣваніе происходило въ каѳедральномъ соборѣ, 19 числа декабря. Выносъ изъ дому производилъ, заупокойную литургію служилъ, отпѣваніе совершалъ и къ мѣсту погребенія усопшаго проводилъ преосвященный Ефремъ, епископъ тобольскій и сибирскій, при сослуженіи всего наличнаго градскаго духовенства. Во время литургіи, вмѣсто причастнаго стиха, былъ исполненъ пѣвчими, по завѣщанію самаго усопшаго, любимый имъ похоронный концертъ, который былъ въ 1845 году пропѣтъ при погребеніи преосвященнаго тобольскаго Владиміра (Аляѳдина), именно: *пла-*

(*) Въ послѣднее время къ богослуженію онъ ѣздилъ не въ родной ему соборъ, потому что соборъ находится въ нагорной части и въ нѣкоторомъ удаленіи отъ его дома, а въ ближайшую приходскую (Михаило-Архангельскую) церковь.

чу и рыдаю, ѣда помышляю смерть,—а также произнесено было вторымъ преемникомъ (*) Петра Андреевича по должности каѳедральнаго протоіерея, прот. Матѳіемъ Ѳед. Боголѣповымъ слово, содержаніе для котораго заимствовано изъ автобіографіи покойнаго, съ тремя нравоучительными приложеніями, извлеченными изъ трехъ періодовъ жизни усопшаго: отроческаго, служебнаго и неслужебнаго—за болѣзнями и слѣпотой. Погребенъ о. прот. Петръ Андреевичъ Фелицинъ въ загородной архіерейской рощѣ, подлѣ самой рощинской церкви, противъ ея алтаря, согласно его, о. протоіерея, желанію, рядомъ съ его супругой.

Надъ мѣстомъ погребенія Петра Андреевича и его супруги, согласно завѣщанію, устроены два каменныхъ, обложенныхъ желѣзомъ, памятника, съ чугунными поверхъ ихъ плитами, изъ которыхъ на одной значится слѣдующая епитафія: „здѣсь покоится прахъ тобольскаго каѳедральнаго протоіерея Петра Андреевича Фелицина, служившаго при 14 архіереяхъ 67 лѣтъ и представшагося 1879 года декабря 16 дня, на 97 году отъ роду;“ на второмъ памятникѣ: „здѣсь покоится прахъ Екатерины Ивановны Фелициной, скончавшейся 1867 года іюля 8 дня, на 79 году отъ роду, жившей въ супружествѣ 64 года“.

Рядомъ вы, новые Авраамъ и Сарра, почиваете останками своими въ сырой землѣ: да успокоитъ же васъ Господь Богъ вмѣстѣ и на небесахъ, на лонѣ Авраама, Исаака и Іакова!

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

(*) Первымъ преемникомъ Петра Андреевича былъ прот. Никита Розановъ, но онъ въ началѣ 1879 года померъ. Когда сообщили Фелицину о смерти о. Розанова, то онъ сказалъ: „ну, что же? старичекъ ужъ былъ“... Старичекъ ужъ былъ? Умершему, дѣйствительно, старичку, однакожъ было только 64 года, а говорившему тогда шелъ уже 95 годъ. Что же дѣлать? Старики и глубокіе сами себѣ никогда еще не кажутся очень старыми.